

СГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обзоріе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“

№ 19

Понедѣльникъ, 18 сентября (1 октября) 1906 г.

№ 19

Торжество про- извола.

(Дѣло Н. Г. Чернышев-
скаго, по не изданному до-
кументу. „Былое“ №№
2—5, ст. М. К. Лемке).

„Дѣло“ Николая Га-
вриловича Чернышев-
скаго возникло 7-го
іюля 1862 года и за-
кончилось 4-го мая
1864 года.

Согласно росій-
скимъ порядкамъ, на-
чало „возникновенія“
дѣла было обычное:
въ квартиру Черны-
шевскаго явились по-
лиція и жандармы и,
произведя обыскъ,
увезли хозяина квар-
тиры въ особой каре-
тѣ въ Петропавловскую
крѣпость. Съ 7-го іюля
1862 г. по 19-е мая
1864 г. (день приве-
денія въ исполненіе приговора сената), т. е.
почти въ теченіе двухъ лѣтъ, Чернышев-
скій, въ качествѣ подсѣдственнаго, ожи-
далъ суда скораго, милостиваго и справедли-
ваго.

По тѣмъ же російскимъ обычаямъ, въ те-
ченіе долгихъ мѣсяцевъ Чернышевскому при-
шлось томиться въ крѣпости въ ожиданіи
предъявленія обвиненія.

Предъявить послѣднее сразу было невоз-
можно, ибо прежде всего необходимо было
такое обвиненіе измыслить, и жандармерія,
послѣ безуспѣшныхъ поисковъ, принялась за
фабрикацію инкриминирующихъ докумен-
товъ и розыскъ лжесвидѣтелей.

Къ событіямъ въ Варшавѣ — Препровожденіе подозрительныхъ лицъ,
арестованныхъ на улицѣ, для осмотра.

Чернышевскаго оставили въ покоѣ: за тю-
ремной рѣшеткой русскому писателю любовно
разрѣшили заниматься своимъ дѣломъ.

Въ третьемъ отдѣленіи также заработали
особенно усердно. Тамъ уже давно была заве-
дена особая синяя обложка съ бѣлымъ ярлы-
комъ и надписью: „Дѣло отставнаго титуляр-
наго совѣтника Николая Гавриловича Чер-
нышевскаго“. Но обложка была долгое время
пуста. Однако, 3-е отдѣленіе давно уже вело
облаву на писателя.

Обыскъ не далъ ничего важнаго. Впрочемъ,
бдительное око полицейскихъ хранителей
русскаго безправія заинтересовалось усилен-
но найденными у Чернышевскаго двумя боль-

ломъ-отъ-жандармеріи Потаповымъ, искус-
ная въ разгадкахъ всякихъ загадокъ, также
не постигла премудрости этого „шифра“.

Рѣшили пригласить на помощь министер-
ство иностранныхъ дѣлъ. За разгадку ребуса
засадилъ самого товарища министра. Послѣ
мѣсячной работы, товарищъ министра за-
являлъ, что рукопись вовсе не шифрована, а
написана со злобными сокращеніями *), хо-
тя „слогъ ея и имѣетъ условный смыслъ“.

Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ,
„по множеству текущихъ и не терпящихъ

*) Она, дѣйствительно, какъ подтвердилъ самъ
Н. Г., была написана съ сокращеніями словъ.

шими тетрадами. Обѣ
были исписаны ча-
стымъ и мелкимъ по-
черкомъ. Привлекли
также сугубое внима-
ніе сыщиковъ узенькія
полоски бумаги съ ци-
фрами и одно письмо
съ подчищенными по-
жемъ фамиліями.

* * *

Дѣйствительный
статскій совѣтникъ Ка-
менскій, исполнявшій
почетную обязанность
по разбору и осмотру
бумагъ Чернышевскаго,
при всемъ усердіи и
ревненіи на пользу оте-
чества изъ осмотра те-
традей ровно ничего не
вынесъ: рукопись, по
убѣжденію д. с. с., бы-
ла шифрована и при-
томъ очень мудро.

Тайная канцелярія,
во главѣ съ генера-

Евреи покидаютъ разгромленный молитвенный домъ.

Домъ, про-уравленный пушечнымъ снарядами.

Къ событіямъ въ Сѣдлецѣ.

отдѣленія дѣла, отказывался дальше помогать жандармской любознательности, но, высоко цѣня такую патріотическую любознательность 3-го отдѣленія, прилагалъ для руководства нѣсколько разобранныхъ имъ и его чиновниками страницъ тетради.

Комиссія по изысканію крамолы въ Россіи возложила продолженіе этого труда на своего сочлена и сенатора Жданова.

Съ узенькими полосками бумаги возни было меньше, но письму, исписанному рукою Огарева и Герцена къ неизвѣстному, и съ подчипченными фамиліями, комиссія придала большое значеніе.

Еще бы! Оба лондонскихъ изгнанника писали своею рукою письмо, которое захвачено при обыскѣ у Чернышевскаго!

Отношенія послѣдняго къ Герцену и его другу были натянуты. Между ними уже происходилъ разрывъ. Изъ письма прямо явствовало, что взгляды Герцена и Чернышевскаго круто разошлись, тѣмъ не менѣе, 3-е отдѣленіе особенно напирало на сношеніе Чернышевскаго съ Герценомъ.

Главнымъ поводомъ къ обыску и аресту Н. Г. послужило перехваченное письмо Герцена къ Серго-Соловьевичу, гдѣ значилось: „Мы готовы издавать „Современникъ“ *); здѣсь съ Чернышевскимъ или въ Женевѣ. Печатать объявленіе объ этомъ? Какъ вы думаете?“

Всего этого отобраннаго матеріала, однако, было мало для обвиненія. Создать же его было необходимо.

Записка Потапова, внесенная имъ въ комитетъ и составленная „изъ частныхъ свѣдѣній о титулярномъ совѣтникѣ Чернышевскомъ“, характеризовала не столько послѣдняго, сколько то, что потаповские агенты были и непроходимо глупы, причѣмъ ихъ шефъ повѣствовалъ въ тонѣ кухарки, подслушавшей господскій разговоръ, что къ редактору „Современника“ доступъ постороннихъ лицъ былъ крайне затрудненъ, а жизнь его была окружена „какою-то таинственностью“.

Третье отдѣленіе, заточивъ въ Петропавловку „главу партіи либеральныхъ литераторовъ“ и измышляя обвиненіе противъ Чернышевскаго, жадно накинulo на его текущую корреспонденцію, ожидая въ ней найти нити къ раскрытію созданнаго досужей фантазіи сыщиковъ дѣла.

Но дѣло не двигалось, а Чернышевскій сидѣлъ въ казематѣ для вѣщаго прославленія эпохи великихъ реформъ въ отечествѣ.

Онъ не зналъ за собою никакой вины и былъ спокоенъ. Онъ еще вѣрилъ въ „благоразуміе, элементарную порядочность русскаго правительства“.

Вѣрить пришлось, однако, недолго...

* * *

Духъ бодрости надежды на торжество справедливости не покидалъ Н. Г.

30-го октября 1862 г., послѣ священническаго увѣщанія, чтобы „показывать сухую правду“, Чернышевскій былъ привезенъ на допросъ.

Допросъ былъ веденъ (письменно) въ такой формѣ, что видно было, что никакихъ ясныхъ уликъ противъ Н. Г. не имѣлось.

Уликъ, дѣйствительно, не было, но Чернышевскаго продолжали держать въ Петропавловкѣ. Въ казематѣ крѣпости русскому писателю единственнымъ утѣшеніемъ являлась работа.

Здѣсь начать имъ переводъ многотомной исторіи Шоссера, здѣсь написана первая и

послѣдняя страница романа „Что дѣлать?“, и здѣсь же исписаны имъ цѣлыя листы бумаги по поводу того дѣла, которое угодно было сочинить 3-му отдѣленію.

Результатъ всѣхъ записокъ Н. Г. въ комитетъ былъ одинаковъ. Онъ аккуратно подписывался въ 3-мъ отдѣленіи къ тому „дѣлу“ въ синей обложкѣ, которое обрѣталось еще въ недвижимомъ положеніи.

Иная судьба постигла два письма Чернышевскаго: къ Государю и къ петербургскому губернатору, князю Суворову. Оба письма не дошли по назначенію и застряли въ 3-мъ отдѣленіи.

Напрасно Чернышевскій обращался съ вопросами о срокѣ окончанія дѣла. Отвѣта не было. Произволь открыто смѣялся надъ правомъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ наглѣе становилась эта смѣха.

Въ концѣ концовъ, терпѣніе Чернышевскаго истощилось. Онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ единственной, доступной въ его положеніи, формѣ протеста—голодовкѣ.

Результатомъ явилось предупрежденіе о „мѣрахъ строгости“ и затѣмъ разрѣшеніе свиданія съ женой... черезъ семь съ половиной мѣсяцевъ послѣ ареста.

* * *

Въ это же самое время третье отдѣленіе дѣятельно работало. Оно успѣло уже подыскать двухъ лжесвидѣтелей и одинъ подложный документъ.

На основаніи такого матеріала, „главнѣйшій либеральныхъ литераторовъ“ было заранѣе уготовано мѣсто въ рудникахъ Сибири.

* * *

Отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ—посредственный поэтъ-переводчикъ—приговоренный по дѣлу о тайномъ печатаніи противоправительственныхъ изданій къ заключенію въ крѣпости и солдатчинѣ, и его „переписчикъ“, мѣщанинъ Яковлевъ, явились послушными орудіями въ рукахъ 3-го отдѣленія.

Тотъ же Костомаровъ сфабриковалъ и знаменитое „бордеро“, подобно Лудѣ-предателю за тридцать сребрениковъ, перейдя изъ стана недовольныхъ существующимъ порядкомъ въ покорнаго слугу сыщиковъ. Разжалованный въ солдаты Костомаровъ задумалъ кушнуть собственное спасеніе цѣною гибели другихъ.

Цѣною предательства онъ получилъ освобожденіе отъ Петропавловки, клятвой въ вѣрности онъ купилъ у своихъ палачей свободу и, какъ пѣсь, покорно лизалъ руки своихъ недавнихъ палачей.

Въ своемъ отнынѣ знаменитомъ письмѣ на имя какого-то Соколова („С.-Петербургъ, до востребованія“), письмѣ, написанномъ если не подъ диктовку жандармовъ, то по настоянію послѣднихъ, Костомаровъ, отрекаясь отъ прошлыхъ „увлеченій“, создавалъ доносъ на литературу, вообще, и на Чернышевскаго, въ частности.

Въ этомъ письмѣ Костомаровъ подробно передаетъ фантастическую повѣсть о своемъ первомъ визитѣ къ Чернышевскому. На первомъ свиданіи, по словамъ Костомарова, происходило чтеніе воззванія къ барскимъ крестьянамъ—прокламаціи, которую, якобы, Чернышевскій просилъ отпечатать Костомарова на ручномъ станкѣ въ подпольной типографіи. Авторомъ прокламаціи Костомаровымъ названъ Чернышевскій.

Изъ бумагъ того же Костомарова, какимъ-то чудомъ, послѣ суда, по прибытіи изъ Москвы, оказавшемся не въ Петропавловкѣ, а въ департаментахъ 3-го отдѣленія, были извлече-

ны (спустя довольно продолжительное время послѣ его ареста и суда) два письма Чернышевскаго. Оба письма не содержали въ себѣ ничего особеннаго. Вмѣстѣ съ письмами къ дѣлу былъ приобщенъ и небольшой листокъ бумаги. На одной сторонѣ его рукою Костомарова были написаны какіе-то стихи, на другой почеркомъ, схожимъ съ почеркомъ Чернышевскаго, изображено: „В. Д. (т. е. Всеволодъ Дмитриевичъ). Вмѣсто „срочно обязанъ“ (какъ это по непростительной оплошности поставлено у меня) набирайте вездѣ „временно обязанъ“, какъ это называется въ положеніи. Вапшъ Ч.“

Этого, однако, считалось вполне достаточнымъ, чтобы дѣло въ синей обложкѣ получило движеніе и обвинители Чернышевскаго могли построить обвиненіе.

* * *

Чернышевскій со дня на день ждалъ освобожденія. Ему, не знавшему за собою никакой вины, казались дикими подобныя шутки правительства. Онъ видѣлъ, что дѣло умышленно тянутъ, но полагалъ, что подобнымъ промедленіемъ онъ всецѣло обязанъ тому, что жандармерія сильно „промахнулась“, повѣривъ пустымъ сплетнямъ, и, не найдя за нимъ никакой вины, боится признаться въ своей ошибкѣ.

16-го марта 1863-го года, однако, все разъяснилось. Какъ бы въ отвѣтъ на заявленіе Н. Г. при допросѣ относительно прокламаціи „къ барскимъ крестьянамъ“, авторство которой Чернышевскій отрицалъ, комиссія предъявила ему упомянутую записку, якобы, писанную имъ—Чернышевскимъ.

Н. Г. не призналъ ее своей. На очной ставкѣ съ Костомаровымъ Чернышевскій категорически отвергъ сбивчивыя показанія лже-свидѣтеля.

У третьяго отдѣленія въ резервѣ имѣлся еще одинъ свидѣтель, переписчикъ Костомарова, мѣщанинъ Яковлевъ. Послѣдній, послѣ свиданія съ Костомаровымъ въ Москвѣ, по чувству „патріотическаго долга“, или просто въ пьяномъ видѣ, еще состригалъ доносъ на Чернышевскаго, обвиняя послѣдняго въ подрываніи основъ существующаго порядка.

Жалкій пропойца, за косуюшку готовый на всякое рукоприкладство, отбывавъ за буйство во хмѣлю наказаніе, по приговору мѣщанскаго общества, въ смиренномъ домѣ; теперь онъ требуется въ Петербургъ въ качестве важнаго свидѣтеля. Онъ показываетъ, что лично слышалъ, какъ Чернышевскій, ходя по саду вмѣстѣ съ Костомаровымъ, сказалъ: „Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ добродѣтелей поклонъ. Вы ждали отъ царя воли—вотъ, вамъ и воля вышла“. Кромѣ того, тотъ же Яковлевъ, будто бы, слышалъ, какъ Чернышевскій упрашивалъ поскорѣе напечатать обращеніе къ „барскимъ крестьянамъ“.

Вотъ, и всѣ фактическія улики. Правда, комиссія рассчитывала еще „подѣйствовать на Чернышевскаго силою убѣжденія“. Но Чернышевскаго поколебать было невозможно. Онъ говорилъ одно: „Сколько бы меня ни держали, я поспѣю, умру, но прежняго своего показанія не измѣню“.

* * *

Комиссія рѣшила продолжать дѣло и во имя соблюденія декораума рѣшила вызвать секретарей сената для сличенія почерка Чернышевскаго и записки. Вмѣсто секретарей, 24 апрѣля собралось пять чиновниковъ губернскаго правленія и палаты. Они нашли, что почеркъ записки имѣетъ нѣкоторое сходство съ почеркомъ Чернышевскаго. Въ это же время Некрасовымъ было передано генералу

*) „Современникъ“ только что былъ приостановленъ на 8 м.

Потанову письмо изъ Москвы, гдѣ, за подписью пяти политических заключенныхъ въ московскомъ смиренномъ домѣ, заявлялось о гласномъ признаніи Яковлева, что его-де скоро вызовутъ въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ будетъ показывать въ комиссіи то, что училъ его Костомаровъ.

Своимъ жесквидельствомъ Яковлевъ думалъ купить милости жандармовъ, но въ глубинѣ его души шевелилось сомнѣніе.

Письмо, переданное въ комиссію и затѣмъ въ сенатъ, было приложено къ дѣлу. И только. У самихъ судей оно не вызвало ничего, кромѣ сознанія, что „глава партіи либеральныхъ писателей“ долженъ быть стеръ съ лица русской земли.

* *

Чернышевскій сидѣлъ въ казематѣ. Шелгунова, какъ сообщника, вернули изъ Сибири и предали военному суду. Костомаровъ былъ прикомандированъ къ петербургскому батальону внутренней стражи „впредь до минованія въ немъ надобности по дѣламъ Чернышевскаго и Шелгунова“. Онъ былъ еще нуженъ 3-ему отдѣленію.

Въ концѣ апрѣля 1864 комиссія передала, съ Высочайшаго дозволенія, дѣло Чернышевскаго въ сенатъ.

* *

Сенатъ приступилъ снова черезъ своихъ секретарей къ сличенію почерка той же записки. Несмотря на то, что шестеро (изъ восьми) секретарей признали несходство почерка съ рукою Чернышевскаго, сенатъ согласился съ мнѣніемъ меньшинства и опредѣлилъ, что „въ отдѣльныхъ буквѣхъ сей записки и въ общемъ характерѣ почерка есть совершенное сходство съ почеркомъ бумагъ, писанныхъ Чернышевскимъ до предъявленія ему его записки, съ почеркомъ же, концы писано имъ объясненіе въ сенатъ отъ 1-го іюня, которое онъ писалъ въ продолженіе девяти дней, никакого сходства нѣтъ“.

Иными словами, сенатъ рѣшилъ, что Чернышевскій, увидя записку, умышленно измѣнилъ свой почеркъ.

Пространное объясненіе Чернышевскаго, представленное въ сенатъ, пунктъ за пунктомъ разбивало предъявленное обвиненіе, но сенатъ обратилъ болѣе вниманія на „записку о литературной дѣтельности Чернышевскаго“, присланную черезъ министра юстиціи оберъ-прокурору, чѣмъ на объясненіе обвиняемаго. Въ „запискѣ“ ясно указывалось, что „прокламаціи суть какъ бы выводъ изъ статей Чернышевскаго, а статьи его—подробный къ нимъ комментарий“.

Сенатъ принялъ „записку“ къ свѣдѣнію и руководству... А въ это самое время 3-е отдѣленіе раздобыло новый важный документъ: письмо Чернышевскаго къ А. Н. Плещееву. Въ этомъ письмѣ говорилось о печатаніи „своего манифеста“ и давался ключъ для характеристики революціонной дѣтельности Чернышевскаго.

Источникъ, откуда появилось это письмо, все тотъ же: В. Костомаровъ. Письмо, по его показанію, было вручено ему нѣсколько лѣтъ назадъ Чернышевскимъ для передачи Плещееву, но онъ затерялъ письмо дорогой и только впослѣдствіи нашелъ его за подкладкой своего сакъ-воляжа и... представилъ въ 3-е отдѣленіе, откуда на него уже сыпались милости, если не великія, то обильныя. Чернышевскій категорически отвергъ и фактъ самой передачи письма, и свое авторство. У Плещеева былъ сдѣланъ обыскъ, но его не арестовали, а лишь попросили для дачи показаній въ Петербургъ.

Напрасно Чернышевскій просилъ о вызовѣ экспертовъ, о разрѣшеніи прибѣгнуть къ выработаннымъ наукой для распознаванія почерковъ средствамъ—въ этомъ ему было отказано. Гибель его была нужна, и она уже была давно предрѣшена. Характерно, что „соучастникъ“ Чернышевскаго, Плещеевъ, оставался все время на свободѣ, и „письму“ Чернышевскаго придали значеніе только въ части, касающейся одного Н. Г.

Судебное разбирательство при такихъ условіяхъ сводилось лишь къ жалкой комедіи—насмѣшкѣ надъ правосудіемъ.

* *

Дѣло, начатое жандармеріей по поводу анонимныхъ доносовъ, не дало ничего въ смыслѣ положительныхъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе, Чернышевскій былъ признанъ виновнымъ по всѣмъ пунктамъ, за исключеніемъ одного начального пункта обвиненія (противозаконныхъ сношеній съ изгнанныкомъ Герценомъ).

Сенатъ нашелъ Н. Г. виновнымъ въ сочиненіи возмутительнаго воззванія къ „барскимъ крестьянамъ“, переданнаго Костомарову для напечатанія, съ цѣлью распространенія, и въ приготовленіи къ возмущенію (подложное письмо къ Плещееву).

Такимъ образомъ, за „злоумышленіе къ испроверженію существующаго порядка и прочія „преступленія“, поименованныя выше“, сенатъ вынесъ приговоръ: „отставного титулярнаго совѣтника Николая Чернышевскаго, 35 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда“.

Срокъ каторжныхъ работъ Чернышевскому, по Высочайшему повелѣнію, былъ сокращенъ наполовину.

И эта дикая расправа съ писателемъ, осужденнымъ, когда юридически за нимъ не было никакой доказанной вины, только теперь выходитъ изъ мрака неизвѣстности къ свѣту гласности!

Ник. Носковъ.

Подъ епископской мантией.

II.

Преподавательскія невзгоды. — Разность. — Характеристика В. К. Саблера. — С. В. Карскій. — Митрополиты — умъ, сердце и воля. — Пастырство Веніамина пріютскаго. — Пребываніе арх. Никанора въ Кіевѣ. — Въ Печерской лаврѣ. — В. К. Александра Петровича. — „Историческія послышныя“. — Въ Сергіевской лаврѣ. — Быкъ съ золотыми рогами.

Преосвященный Никаноръ говорить далѣе *) о тѣхъ невзгодахъ, которыя ему пришлось испытать за время преподаванія общительнаго богословія въ петербургской академіи. За разборъ сочиненія Штрауса: „Жизнь Иисуса Христа“ онъ отъ ректора, преосвящ. Макарія, получилъ предостереженіе. Въ другой разъ онъ возстановилъ противъ себя-того же ректора Макарія.

„Надо знать, что тогда былъ обычай, который я попытался-было ввести и въ казанской академіи, чтобы чередные студенты на другое послѣ лекціи утро являлись къ ректору съ журналами, въ которыхъ записывались порядкомъ лекцій и содержаніе ихъ и съ словеснымъ отчетомъ по послѣднему пункту, по содержанію лекцій. Дежурнымъ по первой моей лекціи о бытіи Божіемъ оказался студентъ-грузинъ. Грузины имѣли за собой въ академіи привилегію глупости. Когда ректоръ

спросилъ, о чемъ была лекція, студентъ и отвѣтилъ: „Занимались опроверженіемъ доказательствъ бытія Божія“. — „Что такое? Чѣмъ занимались?“ „Занимались опроверженіемъ доказательствъ бытія Божія“. Преосв. Макарій не сталъ съ нимъ разсуждать болѣе, а позвалъ къ себѣ инспектора, архимандрита Іоанна: допросить студентовъ, чѣмъ такимъ я занимаюсь со студентами. Надобно знать, что о. Іоаннъ инстинктивно не любилъ меня, должно быть, чужь во мнѣ другого медвѣдя въ одной съ нимъ берлогѣ, не выносили возникающаго дарованія. Въ Петербургѣ, да и въ Казани, онъ не пропустилъ случая сдѣлать мнѣ какую-либо пакость, сказать много, а всегда непріятность, дававшую мнѣ понять, что онъ не принадлежитъ къ числу благопріятствующихъ мнѣ людей. Что онъ такое вызналъ отъ студентовъ, тайно отъ меня, что онъ такое доложилъ ректору Макарію, только преосвященный ректоръ требуетъ меня къ себѣ въ одинъ воскресный день, помню, послѣ обѣды. Сказать, что онъ съ грязью смѣшалъ меня, это мало. Онъ не растеръ меня въ порошокъ, потому что это сдѣлать нельзя было; но готовъ былъ отбросить меня съ отвращеніемъ, какъ мерзкаго червя“.

— „Что вы тамъ такое?... Опроверженіемъ доказательствъ бытія Божія занимаетесь?!“.. Вставить тутъ слово въ свою защиту, въ свое оправданіе не представлялось ни малѣйшей возможности. Онъ былъ необычайно вспыльчивъ, блѣдный всегда, тутъ блѣднѣлъ, какъ мертвецъ; а тутъ же задѣто было и самолюбіе, т. е. онъ вообразилъ, что задѣто. — „Критика Кантова?!“ О такой критикѣ онъ зналъ только по наслышкѣ. — „И вы осмѣлились поднять хульный языкъ, на кого?! На наставника, на своего ректора! Прямо мнѣ въ глаза! Да вы знаете-ли?! Это безпримѣрно и не безпримѣрно: вотъ о. Іоаннъ, только-что посаженный бакалавромъ, пришелъ въ классъ, принесъ записки ректора, о. Евсевія, по которымъ самъ учился, раскрытывалъ ихъ и началъ свои собственныя лекціи. Такъ и вы туда же? Кротость просвященнаго Евсевія снесла это. Что вы такое критикуете?!.. Мое сочиненіе, которое признано всѣми, какъ образцовое, до котораго вамъ не достаетъ никогда. Вѣдь, это, знаете, что вы хотите? Моська лаетъ на слона! Тѣфу!... Навѣсился-было плюнуть въ меня, но отвернулся и плюнулъ черезъ столъ на полъ.“ — „Что же вы такое сдѣлали и со студентами?! Они только-что изъ провинціи пришли, только-что поножили академію; а вы разбили всѣ убѣжденія, вынесенныя ими изъ прежней школы и, не давъ имъ ничего твердаго, основательнаго, бросили дѣло... Да знаете, заикнись я теперь хотя одно слово въ высшихъ сферахъ, я навсегда уничтожилъ бы всю вашу карьеру. Не знаю, не знаю, что мнѣ съ вами сдѣлать?! Послать васъ куда-либо въ семинарію?“.. Я одно знаю, кланяюсь съ ноги. — „Нѣтъ, нѣтъ, о. Никаноръ, ошибся я въ васъ, ошибся, ошибся!“... Я вышелъ отъ него, не скажу, что не помня ничего, нѣтъ (никогда не терялъ я сознанія), но вышелъ страшно пораженный. Это было первое и, скажу, — тяжкое испытаніе въ моей жизни“.

Интересна характеристика В. К. Саблера, сдѣланная преосвященнымъ Никаноромъ въ 1887 году, передъ тѣмъ, какъ владыку вызвали въ Петербургъ для присутствованія въ свѣтѣйшемъ синодѣ:

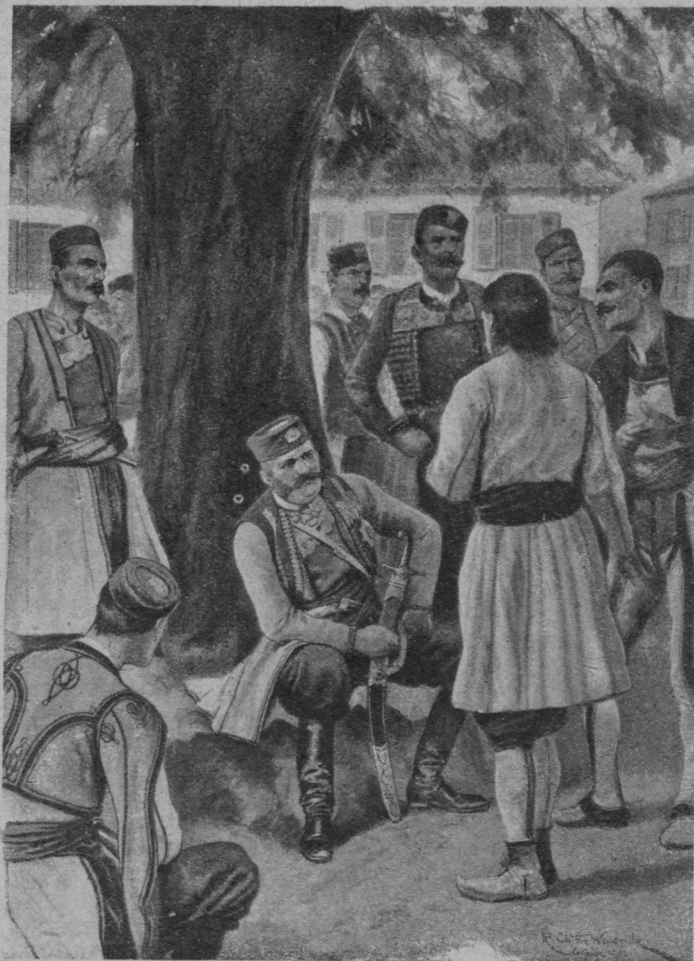
„Отовсюду я слышалъ, что В. К. — умнѣйшій и любезнѣйшій человекъ. Ключарь уфимскаго кафедральнаго собора, близкій ко мнѣ человекъ, описывая мнѣ событіе казанскаго

*) См. „Огонекъ“, № 18.

собора архипастырей, имѣвшее мѣсто въ 1885 г., выразился, что руководилъ соборомъ В. К. Саблеръ, умница и великій церковникъ. Слѣдуя изъ Крыма въ Одессу, Владиміръ Карловичъ извѣстилъ меня о семъ телеграммою. Входить въ нашу залу-гостиную довольно высокаго роста, статный, молодежавый, хотъ и съ просьбою, гибкій, видъ любезный. „Владыка, благословите именемъ Господнимъ“. Я благословилъ его. По петербургскому, не по моему обычаю, поцѣловались. Оглядывается кругомъ. „Ахъ! Да какъ у васъ уютно“. Съли. Рѣчи медовыя изъ устъ его полились.

„Переговорено нами очень многое. Вообще, знакомство съ нимъ мое личное увеличило въ моихъ глазахъ его достоинства въ высокой степени. Онъ—сынъ благочестивыхъ родителей, росъ у церкви и въ церкви, подъ особенно благотворнымъ вліяніемъ старика-пономаря. Самъ звонилъ, подавалъ кадило, прислуживалъ въ алтарѣ, знаетъ отлично, до подробностей, церковный уставъ; не умѣетъ только пѣть, хотъ и очень многое понимаетъ въ музыкѣ. Имѣетъ вкусъ ко всему старо-православному, старо-церковнымъ осмичисленнымъ крестамъ, старинному пѣнію, византійской иконописи. Не любитъ, не выносить въ церкви курительнаго порошка, считаетъ его „Латинской ересью“. Скорбитъ о всеобщемъ упадкѣ церковнаго устава. Вообще, преоригинальная, прелюбезная личность, мнѣ пресимпатичная, потому что и самъ я—церковникъ немалый и прошелъ всѣ степени церковнаго служенія.

„Разспрашивать у Влад. Карл. о петербургскихъ новостяхъ я затруднялся, считая не деликатнымъ; но если онъ начиналъ откровенный разговоръ, то продолжать его я не уклонялся. Толковалъ онъ мнѣ, что синодаль-

Княжой судъ въ Черногоріи.

Навѣрсохъ Вудвила переноситъ зрителя къ тѣмъ, сравнительно, недалекимъ временамъ въ до-конституціонной Черногоріи, когда монархъ являлся одновременно, и судьей, по образцу древнихъ патриарховъ. Хотя въ Черногоріи было и высшее судебное учрежденіе, „Великій Судъ“, но въ важныхъ случаяхъ черногорцы шли въ Цетинье къ князю, который творилъ надъ ними судъ и праву, сидя подъ столѣтнимъ „дубомъ справедливости“ на дворѣ княжескихъ палатъ.

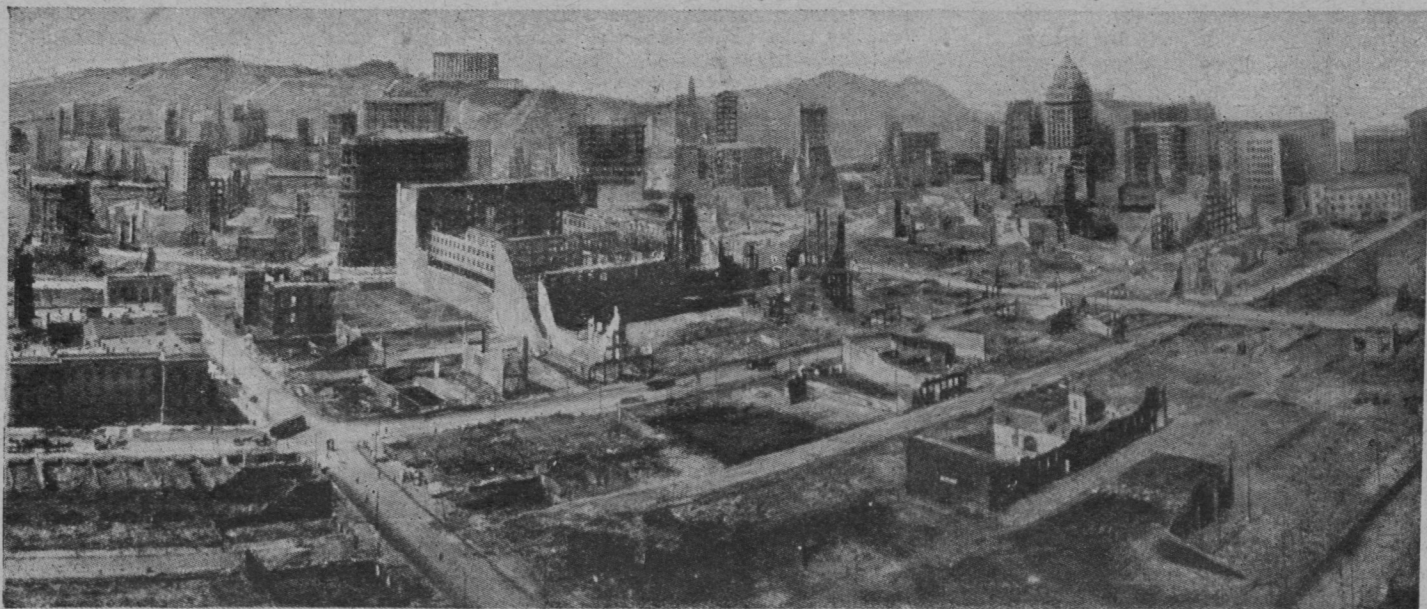
ные служащіе въ Петербургѣ раздѣляются на чиновниковъ и живыхъ людей. Конечно, самъ онъ принадлежалъ къ живымъ людямъ. Повидимому, и Василя Ив. Шемякина, завѣдующаго новоучрежденными церковно-приходскими школами, относитъ онъ къ живымъ же

однако же, чтобы уже тогда состоялось полурѣшеніе устранить его оттуда.

„Послѣдствія показали, что мы произвели на этого почетнаго и вліятельнаго гостя благопріятное впечатлѣніе.“

Другимъ вліятельнымъ посѣтителемъ гор.

людямъ. Изъ нашей братіи служащіе чуть-ли не относились къ чиновникамъ, хотъ объ этомъ и умалчивалось, въ томъ числѣ и Илларионъ А. Чистовичъ, сколько я выражумѣлъ, хотъ и не разспрашивалъ. Прожилъ онъ у меня полторы сутокъ. Около полуночи выѣхалъ на желѣзнодорожный вокзалъ, чтобы отбыть въ Кишиневъ. Уже при прощаньи возникъ очень откровенный разговоръ о преосвященномъ екзархѣ Грузіи, архіеписк. Павлѣ. Въ устахъ Влад. К. звучала нота и сочувствія, и сожалѣнія. Вѣдалъ онъ теперь съ К. П. Побѣдоносцевымъ съ Кавказа, какъ разъ послѣ несчастія, послѣ убійства ректора семинаріи въ Тифлисѣ, Чудецкаго. Все было было молвою, густо покрывшею весь Кавказъ, рѣзко проникающею своимъ запахомъ и въ нашу Одессу, будто преосв. екзархъ проклялъ Грузію. Влад. К. отрицалъ истину этой молвы. Тѣмъ не менѣе, она стала большимъ препятствіемъ для екзарха оставаться въ Грузіи и благотворно продолжать тамъ свое служеніе: ему открыто грозили убійствомъ. Повидимому, Владиміръ Карловъ не совсѣмъ сочувствовалъ поспѣшности и оглульности нѣкоторыхъ мѣръ, напр., огульному исклученію изъ тифлисской семинаріи цѣлыхъ 30 воспитанниковъ разомъ, чѣмъ усиливало широко распространенное и глубоко хватавшее раздраженіе противъ екзарха. „Возсіалъ крестъ на клубокъ; тѣмъ не менѣе... положеніе крайне трудное и даже опасное, опасность обуюлющая и для екзарха, и для церкви въ Грузіи.“ Не видно было,

Возстановленіе Санъ-Франциско послѣ землетрясенія. — Работы въ одномъ изъ наиболее пострадавшихъ кварталовъ города на Бетвинъ-Стритъ.

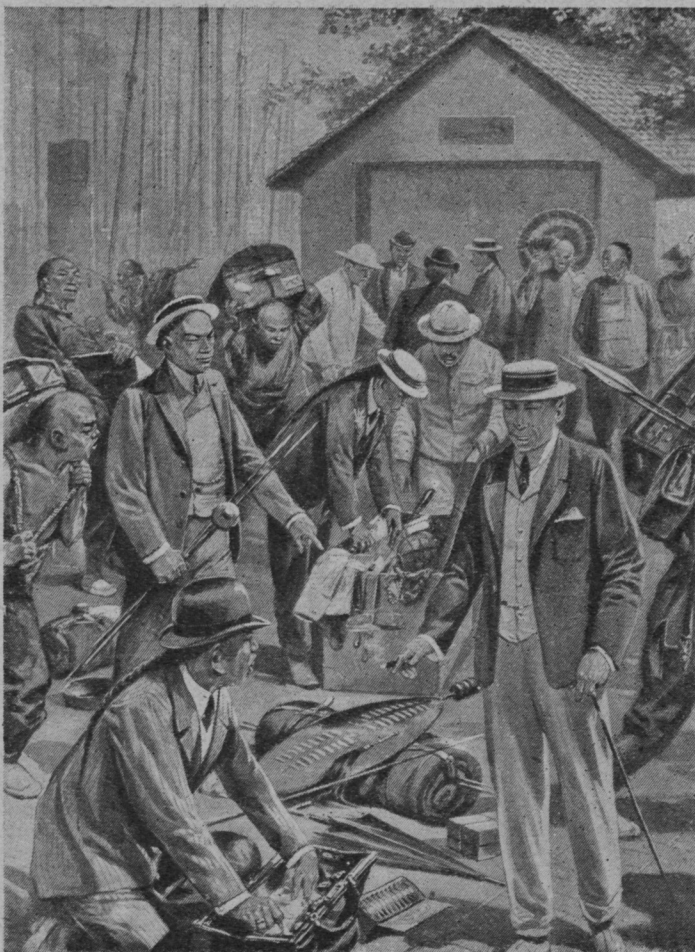
Одессы вскорѣ же оказался Сергій Васильевичъ Керскій, помощникъ Владимира К. Саблера, вице-директоръ по управленію канцеляріей святѣйшаго синода.

„Онъ прожилъ у меня до отбытія въ Константинополь около четырехъ сутокъ (такъ расположились сроки пароходства) и по возвращеніи оттуда прожилъ столько же, въ ожиданіи отъ г. оберъ-прокурора бумаги относительно ревизіи могилевск

Принцъ Мирза-Мохаммедъ-Али-Ханъ, новый персидскій министръ иностр. дѣлъ.

семинаріи, гдѣ ученики взорвали инспекторскую квартиру. Переговорено очень было много и очень откровенно. Я называлъ имена архіереевъ и спрашивалъ, каково ихъ положеніе. А онъ отвѣчалъ. Вотъ замѣчательнѣйшіе отзывы. Говорятъ въ Петербургѣ: старецъ-митрополитъ — это умъ. Платонъ — это сердце

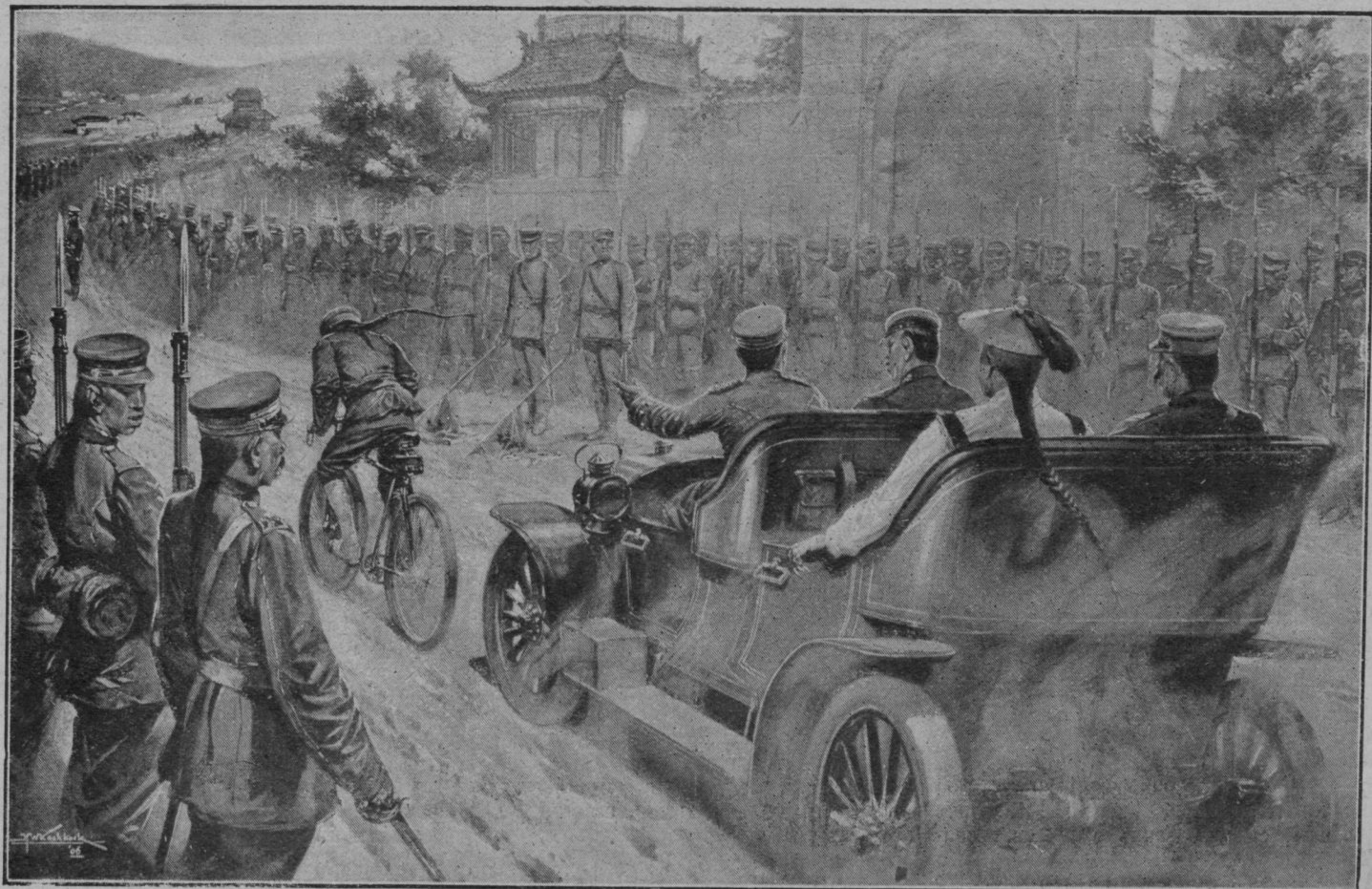
Возвращеніе китайскихъ кули на родину изъ Южной Африки.
См. замѣтку на стр. 150.

Московскій Іоанникій — это воля. У Исидора до сихъ поръ замѣчательная ясность ума, прямой взглядъ, много опытности. Скажетъ слово, и отвѣтитъ дѣло. Любитъ рассказывать. Много видѣлъ на своемъ вѣку. Все отлично помнитъ, особенно старое. Ослабленія памяти или сообразительности вовсе незамѣтно. Служить въ церкви прекрасно. Читаетъ прегромко и превнято,

Сеноръ Тальяма, президентъ республики Кува.

наполняетъ своимъ говоромъ весь Исаакіевскій соборъ. Служить, не отказывается, хотя и бережется себя, чтобъ не изнуряться. А Платонъ — благовѣстнѣйшій. Куда ни попроси, идетъ, себя не бережетъ. — „Какъ въ синодѣ? Много говорить?“ — „Нѣтъ, помалчиваешь, иногда ослабѣваетъ, чего въ старцѣ Исидорѣ не замѣтно.“ — „Я, однако же, думаю, что при

Вице-король Лечелійской провинціи производитъ смотръ китайскимъ солдатамъ, обученнымъ японскими инструкторами.
Успѣхи цивилизаціи въ Китаѣ.

Исидоръ владыка Платонъ помалчиваетъ просто изъ деликатности, какъ при старѣйшемъ. — А московскій, развѣ умѣетъ хотѣть? — „О, да, умѣетъ, настойчивъ“. — „Много говорить въ синодѣ? — „О, много! Былъ случай, что чего-то не хотѣлъ подписать. Забѣчательнъ со стороны настойчивости иркутскій — Веніаминъ. Прибыль въ Петербургъ; рясы носить все такія пестрыя, цвѣтныя. Ему говорить: владыка, что-нибудь потемнѣе бы. Онъ старше по лѣтамъ службы казанскаго. А и Палладій привыкъ мыслить себя не низко. Вотъ и вышло столкновение. Принесли къ Палладію синодскіе журналы, тотъ и подписывается сразу послѣ митрополитовъ. Несутъ къ иркутскому, а тотъ такъ и прорѣзалъ между митрополитами и Палладіемъ: „Веніаминъ, архіепископъ иркутскій“. Тогда курьеры стали носить журналы сперва къ иркутскому, а потомъ къ казанскому. Вотъ въ какомъ-то собраніи Палладій и подходитъ ко мнѣ съ сокрушеннымъ видомъ: „Что-жъ это, Сергій Васильевичъ, за что вы меня обижаете? — „Какъ такъ, ваше высокопреосвященство? — „Зачѣмъ же вы меня ставите ниже иркутскаго? Вѣдь казанскіе архіепископы были первыми по статуту, всегда выше иркутскихъ. Да и теперь я, какъ глава казанской академіи, нахожусь въ начальственномъ положеніи относительно Иркутска. — „Помилуйте, ваше высокопреосвященство, тутъ я не при чемъ“. А Веніаминъ говоритъ, что онъ старше Палладія и по учебному курсу на два года, и по архіерейству, и по архіепископству. Вышло такъ, что и владыка-митрополитъ, лаская Палладія, наровиль посадить его около себя, посадить слѣва, а справа посадилъ Екаторину Александровну Побѣдоносцеву. Не тутъ-то было: слѣва около старца сѣлъ Веніаминъ иркутскій, а около себя слѣва предоставилъ мѣсто казанскому. Зато старецъ-митрополитъ наказалъ дерзновение иркутскаго: не сказалъ съ нимъ ни единого слова“.

„Къ преосвященному Павлу (эксарху) Сергій Васильевичъ относится, повидимому, безъ теплоты и безъ особеннаго возвышенія его достоинства. — „По нѣкоторымъ даннымъ, говорю я, полагаю, что преосвященный Павелъ — первый кандидатъ на митрополию“. — „М-да“, сказалъ, раздѣляя слогъ, подумавши, мой многосвѣдующій собесѣдникъ, одинъ изъ первыхъ. — „Ну, а казанскій Палладій? — „Что же, казанскій? Человѣкъ пріятный, persona grata у всѣхъ и для всѣхъ, всѣмъ и хочется, и умѣетъ угодить, все уладить, все умиротворить, и пользуется общею любовью“. — „Пошлите его въ Грузію? — „Не знаю, не знаю“. — „А Леонгій? — „Тоскуетъ себѣ тамъ, въ Варшавѣ. Вотъ не зовутъ въ синодъ, не дѣлаютъ митрополитомъ“. О виденскомъ архіепископѣ Алексіи какъ-то не пришлось спросить. „Ну, а Амвросій харьковскій? — „Амвросій! Въ Амвросія К. П. просто влюбленъ. Вѣдь, умѣетъ? — „Да, умѣетъ“. — „Какія-то у него тамъ затрудненія? — „Да и немалыя... Такимъ образомъ, я переспросилъ почти о всѣхъ архіереяхъ“.

Вызванный въ маѣ 1887 года въ Петербургъ, Никаноръ интересно рассказываетъ о своихъ остановкахъ въ Кіевѣ и Москвѣ.

„Въ Кіевѣ насъ встрѣтили благосклонно и радушно; радуніе, чѣмъ я ожидалъ. На станціи встрѣтилъ духовникъ Ея Высочества, Великой Княгини Александры Петровны, мой совоспитанникъ въ петербургской духовной семинаріи, протоіерей Василій Іоанновичъ Лебедевъ, съ маленькимъ Ильешей, воспитанникомъ Великой Княгини. У подъезда стояла четверка съ собственной каретой его высокопреосвященства, митрополита. Въ Кіево-Печерской лаврѣ помѣщеніе мнѣ на-

значено было въ кельяхъ отца-намѣстника, внизу. Приѣхавши, я сейчасъ отправился къ владыкѣ-митрополиту. Первый взглядъ на старца далъ впечатлѣніе сухости. Тутъ и былъ накрытъ столъ на три куверта. Третьимъ былъ о. намѣстникъ Ювеналій, который имѣлъ теперь значеніе и врача. Владыка-митрополитъ былъ боленъ, простудился на пути изъ Новочеркасска. „Это вотъ я со вчерашняго дня говорю, а то я шепталъ. Вотъ онъ (намѣстникъ) и лѣчитъ меня. А что, г. врачъ, этого мнѣ можно? Выпить маленько вина? — „Можно, ради гостя, только немножко“. — „Ну, а балычка кусочекъ-другой съѣсть? — „Можно и балычка, только немножко“. И все въ этомъ родѣ, по части здоровья. Старецъ, впрочемъ, кушалъ обычно, выпивалъ и вина, только немного. Выпили и шампанскаго, причемъ я отъ всего сердца пожелалъ старцу долголѣтія и благоденствія, здравія и спасенія. „Вы тамъ будете, конечно, представляться Ихъ Величествамъ. Конечно, съ благословенія оберъ-прокурора“. Себя самого онъ разумѣлъ. Въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ въ Кіевъ онъ испросилъ себѣ прощальную аудіенцію Ихъ Величествъ чрезъ какую-то высокую даму. Ему назначенъ былъ день и часъ представленія отъ двора, помимо оберъ-прокурора. Немало рассказывалъ старецъ-митрополитъ о скверномъ духѣ, заводящемся въ духовенствѣ, особенно же молодомъ. Рассказывалъ одинъ истинно поразительный фактъ. Къ сожалѣнію, подробности этого обстоятельства я точно не повторю. Кончившій курсъ кіевской или волынской семинаріи просить мѣста. Просить еще митрополита Филовея. Вышло, не помню, какое-то затрудненіе. Въ письмѣ сей пишетъ: „Какой-либо митрополитишко... Это о Филоевѣ. И письмо попадаетъ въ мои руки. Повидимому, постѣдовало какое-то наказаніе, чуть-ли не лишеніе мѣста. Жена его кинулась жаловаться въ Петербургъ. А въ эту пору и я тамъ былъ... Разносится молва, что мужъ померъ. Жена прибѣгаетъ ко мнѣ узнать. Говорю, что и я слышалъ, но навѣрное не знаю; не получалъ донесенія. Она кинулась на родину. Оказалось вѣрно. Тогда, что вы бы думали, что она сдѣлала? Привела тронхъ своихъ дѣтокъ въ присутствіе консисторіи и тутъ ихъ бросила. А протоіерею Л.—ву послала письмо. „Извергъ, злодѣй, убійца моего мужа. Я привела и кинула тебѣ моихъ дѣтей, потому что кормить ихъ мнѣ нечѣмъ. Если же и ты ихъ не пристроишь, то клянусь тебѣ Богомъ живымъ, я убью тебя, какъ собаку, днемъ, среди улицы... „Каковъ душонокъ? — „Что же сдѣлалъ съ дѣтьми? — „Разговали кое-какъ“. А съ нею? Она плюнула въ лицо, наши утерлись. Тѣмъ дѣло и кончилось. Но каковъ душонокъ?!.. „Скверный духъ“, заключилъ старецъ-митрополитъ.

„На другой день владыка-митрополитъ представлялъ меня Великой Княгинѣ Александрѣ Петровнѣ, у которой и обѣдали. Великая Княгиня приняла насъ необычайно ласково, необычайно только для меня, сама же въ себѣ она ко всѣмъ необычайно ласкова и добрадушна. Лицо ея дышитъ и здоровьемъ, и благодушіемъ. На обѣдѣ, кромѣ насъ, еще присутствовали преосвященный епископъ Сильвестръ, ректоръ академіи, да каедральный протоіерей Лебединцевъ и нѣсколько свѣтскихъ. Выяснилось, что Великая Княгиня желаетъ вести своего крестника Ильюшу по духовной части, т. е. отдать въ духовную школу и затѣмъ въ духовное званіе, на что, какъ я слышалъ уже въ Петербургѣ изъ хорошаго источника, Ильюша якобы советъ не согласенъ (выражаясь, что „я — принцъ крови“). Мнѣ показалось, что о. протоіерея Лебединцева (дѣйствительно, въ Кіевѣ теперь силу)

ласкаютъ. Во время обѣда владыка-митрополитъ говорилъ почти исключительно со мною, тоже какъ съ силою въ данную минуту (вообще оказываетъ мнѣ явную благосклонность); говорилъ, что хотѣлъ говорить со мною о нѣкоторомъ предметѣ особенно, при удобной обстановкѣ. Послѣ обѣда, по обычаю, зашли къ Ея Высочеству. Она настойчиво просила выслать ей мою карточку и въ замѣнъ дала свою. На дѣлѣ она лучше, моложавѣе, граціознѣе, чѣмъ на карточкѣ. Она еще не потеряла тѣней молодости на лицѣ. Лицо такое свѣжее, цвѣтущее, ласковое. Когда настала минута прощанья, Великая Княгиня говоритъ: „Прошу васъ передать Ихъ Величествамъ, Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, что я повергаю себя къ ихъ стопамъ“, и кланяется на постели, пригибая голову къ самымъ колѣнамъ, повторяя: „повергаю себя къ ихъ стопамъ“, и слезы навернулись на ея глазахъ.

Въ тотъ же день къ вечеру и вечеромъ я посѣтилъ Исидоровскую женскую общину (пресвященнаго не засталъ дома). Иеронимъ, вполнѣ архіепископъ воронежскій изъ протоіереевъ, такой бойкій и живой; преосвященнаго Сильвестра, ректора академіи, архимандрита Иринея, ректора семинаріи и начальницу института Лидію Карловну Ернстъ, умнѣйшую изъ женщннъ, какихъ я зналъ на свѣтѣ. Въ общинѣ, основанной митрополитомъ Исидоромъ, кинулось въ глаза, что это совсемъ новое учрежденіе, обстроенное прекрасными каменными зданіями, имѣетъ отличную изящную церковь и обзавелось красавицами — послушницами. Игуменья такая толковая и бывалая. Я говорю: „Откуда это вы набрали такихъ представительныхъ послушницъ? Подумаешь, настоящія „чистокровныя“, съ бѣлыми, малыми руками, длинными пальчиками. Это выраженіе: „чистокровныя“ вызвало улыбки, если не смѣхъ. „Настояція чистокровныя, чистокровныя“, повторяла игуменья. — „Отчего это вы оградили клиросъ иконами? — „Да вотъ видите, приходятъ богомольцы и преклоняютъ свои головы къ клиросамъ, а тутъ-то и стоять „чистокровныя“. Такъ оно, знаете, и неліпнее поставить святую преграду изъ святыхъ иконъ, пусть Богу молятся на святыхъ иконы, а не на... „чистокровныхъ“.

Въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, подѣ Москвою, преосвященный Никаноръ обѣдалъ у митрополита Іоаннікія.

„Обѣдъ былъ замѣчательный, какъ самъ по себѣ, потому что былъ отличный, такъ и по сановитости дающаго лица, такъ и по бесѣдѣ, лившейся изъ устъ сановитаго хозяина. Прежде всего о нашемъ собственномъ лицѣ. „Какъ же это вы ѣдете? — „Только вотъ что (предостерегаетъ владыка-митрополитъ), какъ бы у васъ не вышла нежелательная встрѣча съ Палладіемъ казанскимъ. Вѣдь, вамъ какое подворье назначено? — „То, что на Звенигородской улицѣ, Митрофаніевское“. — „Ну, такъ, вѣдь, тамъ Палладій живетъ. А онъ пока еще не прѣхалъ (а онъ долженъ ѣхать въ Москву), и я жду отъ него телеграммы. Такъ и выйдетъ повтореніе тверской исторіи“. Я струсилъ. „Видимо, — продолжаетъ владыка-митрополитъ, — Палладій казанскій уранилъ, а тверскому Саввѣ не хотѣлось скоро уѣзжать изъ Петербурга. Не собрался. А Палладію назначено было то подворье, которое занималъ Савва тверской, ваше — Митрофаніевское подворье. Палладій прибылъ, а Савва не выѣхалъ, свое мѣсто не уступаетъ. Казанская свита прибыла, а тверская не выѣхала. И вышло прелеловко. Кое-какъ Палладія устроили въ лаврѣ, пока уладилось дѣло“. Я струсилъ еще больше, потому что и ѣхалъ въ Петербургъ безъ синодскаго указа. Думаю: по-

паль въ непріятную исторію. Но все равно, она огласится; такъ лучше сознаюсь во всемъ. И я сталъ разсказывать митрополиту все досконально... „Я рѣшился на третій день св. Троицы подняться въ Петербургъ, хотя указъ изъ свѣтѣйшаго синода я и не получалъ“. Владыка-митрополитъ на это замѣтилъ: „Ну, это все равно, указъ-ли вы получили, или то, пошеніе отъ оберъ-прокурора. Назначеніе несомнѣнно состоялось; но странно, что Палладій не ѣдетъ; а ѣхать онъ долженъ чрезъ Москву, и я жду отъ него телеграммы“. Это меня успокоило, хотя и не совсѣмъ.

„Вторымъ и главнымъ предметомъ собесѣдованія были Грузія и экзархъ Павелъ. „А Павлу воротиться въ Грузію никакъ нельзя. У грузинъ уже засѣла въ головахъ мысль, что онъ проклялъ Грузію, что его надо убить. И убьютъ. Вѣдь, они не разсуждаютъ; они тупы, но что засѣло имъ въ голову, не выколотишь“.

„Владыка-митрополитъ разсказалъ нѣсколько случаевъ, что, посѣщая его, грузины выражали къ Павлу крайнюю непріязнь: „проклялъ-де Грузію“. А что это за народъ, можете судить по слѣдующему. Какъ у насъ на Руси чтится св. Николай, такъ въ Грузіи св. Георгій. Георгія они празднуютъ нѣсколько разъ въ году. И св. Георгій въ одинъ изъ этихъ праздниковъ въ каждой церкви посылаетъ имъ быка, съ золотыми рожками, котораго они рѣжутъ и тутъ же съѣдаютъ, какъ святыню, какъ причастіе какое-либо, странно сказать.

И вотъ, заѣзжаетъ ко мнѣ князь такой-то, полковникъ, извѣстной фамиліи. Князей тамъ множество, но этотъ князь—человѣкъ особый, серьезный, серьезнаго общественнаго положенія. И разсказываетъ, что вотъ у нихъ въ праздникъ Георгія ограду церковную опечатали, народъ всю ночь сторожилъ около церкви, и все-таки св. Георгій послалъ быка съ золотыми рожками. Такъ и по всей Грузіи народъ окружаетъ церковь, ограду опечатываютъ, и за ночь въ каждую церковь св. Георгій посылаетъ по быку съ золотыми рожками. Что мнѣ было еще сказать? Говорю, что сила Божія велика, хотя о подобномъ чудѣ нигдѣ ни въ Евангеліи, ни въ другихъ священныхъ книгахъ не говорится. Нѣтъ, говорить мой князь-полковникъ, такъ по всей Грузіи каждый годъ въ день Георгія каждую церковь на ночь опечатываютъ, народъ сторожитъ вокругъ ограды, и за ночь св. Георгій въ каждую церковь посылаетъ по быку съ золотыми рожками. И рѣжутъ, и ѣдятъ, какъ святыню. Подите же, толкуйте съ ними. Толкуйте, что Павелъ не проклиналъ Грузіи: они все будутъ твердить свое— проклялъ Грузію, ихъ благословенную Грузію. И убьютъ“.

Къ 3-му іюня 1887 года преосвященный Никаноръ, наконецъ, прибылъ въ Петербургъ. На этомъ пока обрываются его записки.

Возвращеніе китайскихъ кули на родину изъ Южной Африки.

(Къ рисунку на стр. 149).

Въ Ханькоу можно осенью наблюдать ту разительную перемену въ правахъ „пробудившагося Китая“, которая такъ поражаетъ въ послѣднее время всѣхъ европейцевъ. Къ этому времени множество кули возвращаются съ заработковъ домой.

Въ элегантныхъ, по послѣдней модѣ одѣтыхъ дэнди и не узнать прежнихъ оборванныхъ и забытыхъ китайцевъ, которыми не помыкалъ только лѣнливый

цивилизованность ихъ доходить до того, что они привозятъ съ собой цѣлыя коллекции изъ утвари и оружія дикихъ племенъ—совсѣмъ, какъ „бѣлые дьяволы“. И какъ они покрикиваютъ на своихъ прежнихъ товарищей, которые гнутъ спину подъ тяжестью багажа разбогатѣвшихъ и просвѣтившихся путешественниковъ... Сценка эта набросана англійскимъ корреспондентомъ съ натуры и не допускаетъ сомнѣній.

СУДЬБА КОРОЛЕВСКОГО СЫНА.

Судьба Людовика XVII, который, по официальнымъ свѣдѣніямъ, умеръ плѣнникомъ Тампля 8-го іюня 1795 года, до сихъ поръ еще не выяснена. Фредерикъ Барбей, въ своей книгѣ „Г-жа Аткинсъ и тюрьма Тамплъ“, доказываетъ, что сыну королевы Маріи Антуанетты дѣйствительно удалось спастись, но о дальнѣйшей судьбѣ его Барбей не говоритъ ничего. Множество авантюристовъ выдавали себя за Людовика XVII. Однако, Карлъ Вильгельмъ Наундорфъ, который жилъ въ Шпандау, занимаясь часовымъ мастерствомъ, въ началѣ XIX столѣтія, и до сего времени упорно выдается многими изслѣдователями за истиннаго „сына Франціи“.

Это былъ аккуратный, работающій часовъ. Женившись на бѣдной шпандауской мѣщаночкѣ, Іоганнѣ Эйнертѣ, онъ влачилъ тихое, незамѣтное существованіе, перебиваясь, что называется, съ хлѣба на квасъ. Когда у него родилась дочь, Амалія, поразительно похожая на королеву Марію-Антуанетту, онъ впервые выступилъ съ своими притязаніями на французскій тронъ; цѣлью его было не вѣстество на престолъ, а лишь обезпеченіе безбѣдной жизни для своего ребенка. Только тогда объявилъ онъ о своемъ чудесномъ освобожденіи изъ Тампля, о своихъ скитаніяхъ по Франціи, и по Швейцаріи, гдѣ онъ изучилъ часовое мастерство, и по Германіи. Онъ письменно обращался къ многимъ вліятельнымъ во Франціи лицамъ, но не получилъ отъ нихъ ни отвѣта, ни привѣта. А шпандаускія власти, до сихъ поръ терпѣвшія его пребываніе въ Шпандау, но весьма неодобрительно относившіяся къ его домогательствамъ, выслали бѣднягу въ Бранденбургъ.

Здѣсь, въ 1824 году, какъ разъ противъ дома Наундорфа, загорѣлся театръ. Во время пожарной сумятицы, къ Наундорфу ворвались громилы и похитили всѣ его бумаги и документы. Въ довершеніе всего, его обвинили въ покушеніи на поджогъ и присудили къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія. Послѣ отбытія наказанія, онъ былъ высланъ въ Силезію.

Наконецъ, онъ рѣшился лично явиться во Францію, пустился съ четырьмярублями въ карманѣ въ далекій путь и, послѣ исполненнаго всякихъ приключеній и трудностей путешествія „по образу апостольскому“, 26-го мая 1833 г. прибылъ въ Парижъ.

Во французской столицѣ его бурбонскія черты произвели сильное впечатлѣніе, и нѣкоторые лица, видѣвшія и знавшія заключеннаго въ Тамплѣ дофина, признали его въ Наундорфѣ. Его окружили почетомъ одарили и выписали въ Парижъ его жену и питерыхъ дѣтей, которыхъ въ нуждѣ жили въ Силезіи. Но французское правительство считало его обманщиками и предало суду администраціи, хотя, въ концѣ-концовъ, удовольствовалося высылкой Наундорфа изъ предѣловъ Франціи. Послѣ этого онъ въ довольствѣ жилъ съ своей семьей въ Англіи и Бельгіи и умеръ въ Дельфтѣ въ 1845 году. Надпись на его надгробной

плитѣ гласитъ: „Людовикъ XVII, Шарль Луи, герцогъ нормандскій, король Франціи и Наварры“.

Сынъ его, офицеръ нидерландскихъ войскъ, дважды, въ 1853 и 1873 годахъ, пытался, чрезъ посредство Жюль Фавра, возстановить права своего отца передъ французскими властями, но потерпѣлъ неудачу. Уже въ 1893 г. образовалось цѣлое „общество изученія вопроса о Людовикѣ XVII“, которое тоже стремилось доказать справедливость притязаній семьи Наундорфа. Дѣло это скоро провалилось, но на развалинахъ его образовался новый „комитетъ для изученія вопроса о Людовикѣ XVII“.

Первого мая текущаго года состоялось и первое засѣданіе комитета, которымъ издается сверхъ того и свой ежемѣсячникъ, редактируемый Полемъ де-Виньолемъ, подъ заглавіемъ „Наундорфское Историческое Обзоріе“ (Revue Naundorffiste Historique). И этотъ журналъ поставилъ своей задачей доказать, что Наундорфъ дѣйствительно оказался несчастнымъ дофиномъ.

Въ первой книжкѣ „Наундорфскаго Обзорія“ помѣщена обстоятельная статья Пьера Томпа: „Сводка свѣдѣній по вопросу о Людовикѣ XVII“, ясно и полно излагающая важнѣйшія данныя по этому предмету.

Надо надѣяться, что дальнѣйшіе выпуски „Обзорія“, если не раскроютъ, то хоть нѣсколько освѣтятъ таинственную исторію дофина.

ПЕРВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ ЭДИССОНА.

Вскорѣ послѣ поступленія на телеграфную службу, въ расцвѣтъ юношескихъ силъ, Эдиссонъ уже испыталъ на себѣ вліяніе того гения изобрѣтеній, который столь яркой звѣздой горѣлъ надъ его головой въ теченіе остальной его жизни. Соединившій Портъ-Гуронъ съ сосѣднимъ канадскимъ городомъ Сарина кабель былъ поврежденъ ледоходомъ по рѣкѣ Сентъ-Кларъ. Всякая возможность сношеній между обоими городами прекратилась. Тогда Эдиссонъ забрался на стоявшій у рѣки локомотивъ и сталъ давать то короткіе, то протяжные свистки, соответствующіе точкамъ и линіямъ морзова алфавита. Такимъ образомъ, онъ протелеграфировалъ слѣдующую фразу: „Холла! Сарина! Слушайте, Сарина!“ Долгое время не было слышно никакого отвѣта изъ-за широкаго, въ 1 1/2 англійскихъ мили, потока бурной рѣки, совершенно, къ тому же, непроѣзжаго въ разгаръ ледохода. Вдругъ съ канадскаго берега тоже раздались длинныя и короткіе свистки. Канадскій телеграфистъ догадался, наконецъ, въ чемъ дѣло, послѣ внимательнаго наблюденія за характеромъ подаваемыхъ Эдиссономъ свистковъ, и сообщеніе между городами тотчасъ возстановилось... Долгій путь совершилъ гений Эдиссона отъ этого перваго триумфа до открытія фонографа и лампочекъ накаливанія, но и въ этомъ незначительномъ случаѣ обнаружилось со всей силой существенное свойство Эдиссонова творчества: не отступать ни передъ какими трудностями и преодолевать ихъ простѣйшими средствами. Такъ, одинъ изъ ассистентовъ Эдиссона разсказываетъ, что, когда великій изобрѣтатель работалъ надъ фонографомъ, то онъ въ теченіе шести или семи мѣсяцевъ трудился въ одномъ лишь направленіи по 15—20 часовъ въ сутки, неустанно вызывая изъ воскового валика слово „спеція“, чтобы добиться, наконецъ, яснаго произношенія свистящихъ буквъ. Поневолѣ вспомнишь Шопенгауэрово: „гений есть воля“...

Генераль-маіоръ В. А. Дедюлинъ,
вновь назначенный дворцовымъ комендантомъ.

УЛУЧШЕНИЕ БРАКА.

Улучшеніе брака составляетъ въ настоящее время злободневную тему для американской печати. Теперь выступилъ съ новымъ планомъ профессоръ чикагскаго университета Чарльзъ Цейблинъ. Въ прежней своей программѣ Цейблинъ проводилъ идею „пробнаго брака“, для котораго условія развода были облегчены до послѣднихъ предѣловъ. Новый планъ профессора выдвигаетъ впередъ вмѣсто облегченныхъ условій развода различныя мѣры „страхованія“ противъ неудачнаго брака. Основной его идеей является наставленіе помолвленной пары: пользоваться всякимъ обстоятельствомъ, которое могло бы способствовать ближайшему изученію недостатковъ и слабостей другъ друга. Профессоръ Цейблинъ предлагаетъ ввести двѣ законныхъ брачныхъ церемоніи. Первая будетъ официальнымъ признаніемъ факта обрученія, а

вторая, шестью мѣсяцами позже, соединить обрученныхъ узамъ расторгимаго брака. При этомъ обрученіе должно быть непремѣнной, предписанной закономъ формальностью, и женихъ съ невестой обязаны выдержать послѣ этого шестимѣсячный „искусъ“, ранѣе котораго заключеніе брака не можетъ послѣдовать. Если же бракъ не состоится въ теченіе извѣстнаго времени послѣ шестимѣсячнаго срока, то всякія брачныя обязательства расторгаются сами собой. Премудрый профессоръ полагаетъ, что большинство неудачныхъ браковъ зависитъ именно отъ несовершенства предбрачныхъ условій и что будучи поставлены въ предлагаемую имъ обстановку, они разстраивались бы задолго до истеченія фатальнаго полугодія...

Принцъ Георгъ греческій,
вышій комиссаръ остро а Крита

ИЗБРАНІЕ ГЕНЕРАЛА ІЕЗУИТСКАГО ОРДЕНА.

Агентство Рейтера сообщаетъ подробности о выборѣ нѣмецкаго патера Франца Ксавера Вернца въ генералы іезуитскаго ордена.

8-го сентября, съ восходомъ солнца, раздался колокольный звонъ на церкви св. Іоанна. Въ отвѣтъ зазвонили колокола нѣмецкой семинаріи. Делегаты многочисленныхъ конгрегацій ордена отслужили обѣдню и отправились изъ капеллы длиннымъ шествіемъ въ лекціонную залу семинаріи съ пѣніемъ „Veni, Creator“.

Когда всѣ собрались въ залъ, то преклонили колѣна, и настало глубокое молчаніе, продолжавшееся цѣлый часъ.

Многіе делегаты, въ особенности пожилые, принесли съ собою хлѣба и бутылку воды, такъ какъ они съ самаго вечера постились и, по уставу, не могли ничего вкушать, кромѣ хлѣба и воды, вплоть до окончанія выборовъ. Два депутата были выбраны, чтобы разбирать и прочитывать списки голосовъ.

Всѣ присутствующіе приняли присягу въ томъ, что честно исполнять свой долгъ.

Были розданы печатные бланки, на правой сторонѣ которыхъ вписывалось имя кандидата, а на лѣвой—имя избирателя; затѣмъ бланкъ запечатывался такимъ образомъ, что имени избирателя не было видно при вскрытіи. Эти имѣла прочитывались только тогда, когда появля-

Николай Ивановичъ Быстровъ,
почетный лейбъ-медикъ и профессоръ военно-медицинской академіи.
† 7-го сентября.

лось какое-либо подозрѣніе въ неправильности выборовъ.

Когда было установлено, что патеръ Вернецъ получилъ большинство голосовъ, всѣ присутствующіе встали и привѣтствовали его цѣлованіемъ руки. Потомъ, съ новымъ генераломъ во главѣ, открылось торжественное шествіе обратно въ капеллу, съ пѣніемъ „Тебѣ Бога хвалимъ“.

Новому генералу принесли поздравленія многочисленные друзья, и между ними—многія должностныя лица, принадлежащія къ ордену іезуитовъ, и кардиналъ Штейнгуберъ, который ожидалъ результатовъ выбора въ семинаріи. Папѣ былъ посланъ особый гонецъ съ извѣщеніемъ о выборѣ.

Несмотря на строжайшую тайну, которой былъ обставленъ процессъ избранія „чернаго папы“, имѣются достовѣрныя свѣдѣнія о значительныхъ разногласіяхъ, предшествовавшихъ выбору Вернца.

Бернгардъ Дернбургъ,
новый германскій министръ колоній.

Францъ Ксаверъ Вернецъ,
новый генералъ ордена іезуитовъ.